

УДК 81'255.2: [811.111'373+811. 112. 2'373]

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЕРЕВОДА НА АНГЛИЙСКИЙ И НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫКИ РЕАЛИЙ В СКАЗКАХ ПУШКИНА

Ю.В. Явари

Тверской государственной технической университет, Тверь

При переводе реалий существуют две основные трудности: отсутствие в переводящем языке эквивалента и необходимость сохранить особый национальный и/или исторический колорит. Данная статья анализирует и сравнивает способы передачи реалий в сказках А. С. Пушкина на английский и немецкий языки.

Ключевые слова: *реалии, перевод реалий, способы передачи реалий, транскрипция, транслитерация, калька, описательный перевод, приблизительный перевод, контекстуальный перевод.*

Для максимально красочного и правдоподобного изображения жизни и быта другого народа или другой эпохи, т. е. для описания действительности, чуждой для читателя, автор использует в тексте художественного произведения слова-реалии, являющиеся неотъемлемой частью лексики любого народного языка, и представляющие собой одно из средств выражения национального и/или временного колорита в художественных произведениях. Как определяет словарь лингвистических терминов, термин «реалия» обозначает «элементы быта и культуры, исторической эпохи, социального и государственного устройства и фольклора данного народа, чуждых другим народам» [1: 222]. С.И. Влахов и С.П. Флорин, болгарские лингвисты, теоретики и практики перевода, относят реалии к особой категории выразительных средств языка и определяют реалии как «слова и словосочетания, называющие предметы, явления, объекты, характерные для жизни, быта, культуры, социального развития одного народа и малознакомые либо чуждые другому народу, выражающие национальный и (или) временной колорит, не имеющие, как правило, точных соответствий в другом языке и требующие особого подхода при переводе» [3: 18].

В работах [2; 3] предлагаются следующие способы передачи реалий на язык перевода (принимающий язык, далее – ПЯ): 1. а) транслитерация; б) транскрипция; 2. а) калька; б) полукалька; в) освоение; г) семантический неологизм; 3. Уподобляющий перевод; 4. Описательный перевод; 5. Контекстуальный перевод; 6. Родовидовая замена; 7. Замена реалии оригинала языка на реалию языка перевода [2: 118–120; 3: 89]. Если взгляды исследователей на приёмы и способы передачи реалий и расходятся, то не диаметрально. Основные способы передачи реалий находят описание в обеих названных работах, однако авторы иногда пользуются различной терминологией: «родовидовая замена» у С.И. Влахова и С.П. Флорина [3: 89] и «гиперонимический перевод» у В.С. Виноградова [2: 119].

Несмотря на некоторое расхождение во мнениях исследователей и их терминологии, способы передачи реалий можно, обобщая, свести к двум основным: транскрипции и переводу. Встречая в тексте оригинального произведения реалию, переводчик должен осуществить выбор в пользу одного из способов передачи реалий. Иными словами, ответить для себя на вопрос: «Что

транскрибировать, а что переводить, и, если переводить, то как?». Ответ на этот вопрос будет у каждого переводчика свой: выбор пути, по которому он пойдет, определяется личными качествами каждого переводчика, отличающимися от других, например, уровнем владения не только исходным языком, но и языком перевода, а также наличием фоновых знаний о реалиях или конкретных условиях жизни и быта народа, с языка которого производится перевод.

Говоря о выборе пути переводчика при переводе реалий, С.И. Влахов и С.П. Флорин отмечают несколько предпосылок, обуславливающих этот выбор. Значимыми факторами являются характер исходного текста, значимость реалии в контексте, характер самой реалии, её место в лексических системах обоих языков (и исходного, и языка перевода), сами эти языки, т.е. их возможности словообразования, языковая и литературная традиции, читатель перевода (в отличие от читателя подлинника) [3: 90]. К названным предпосылкам можно добавить и лексический состав ПЯ, так как нередко случаи, когда та или иная реалия была заимствована и освоена ПЯ и вошла в арсенал лексических средств данного языка, в этих случаях переводчику следует просто воспользоваться лексической единицей, уже существующей в ПЯ, однако прежде необходимо удостовериться, что значения исходной и заимствованной лексических единиц идентичны, и уточнить языковую форму освоенной реалии в ПЯ.

Решение вопроса о выборе определённого приёма при переводе реалий непосредственно связано со стоящей перед переводчиком задачей: сохранение колорита языковой единицы с вероятным ущербом для семантики или передача значения реалии (в случае, если оно известно), с потерей при этом колорита.

В сказках А.С. Пушкина для отображения национального русского колорита используются многочисленные реалии, которые представляют интерес с точки зрения их передачи на английский и немецкий языки. Реалии, встречающиеся в произведениях Пушкина «Сказка о рыбаке и рыбке», «Сказка о царе Салтане», «Сказка о мёртвой царевне и семи богатырях» и в поэме «Руслан и Людмила», можно условно разделить на три группы: мифологические реалии (сказочные существа и персонажи мифологии и народных верований); бытовые реалии (предметы жизни и национального быта); общественно-политические реалии (имеющие отношение к государственному устройству).

Сравнивая приёмы передачи мифологических реалий, можно отметить, что переводчики в основном прибегают к приёму родовидовой замены или используют в некоторых случаях эквиваленты из лексических средств ПЯ и лишь крайне редко пользуются транскрипцией. Для передачи на ПЯ бытовых реалий используются чаще всего родовидовая замена и описательный перевод и очень редко транскрипция.

Так, при передаче в поэме «Руслан и Людмила» реалии «Баба Яга» (русский фольклорный персонаж) переводчики на немецкий и английский языки (см.: [4; 7]) выбирают разные пути: переводчик на немецкий использует способ, который можно считать родовидовой заменой: передаёт данную реалию при помощи немецкого слова *die die Hexe* ('ведьма'), отмечая тем самым колдовскую сущность персонажа, но оставляя её безымянной, в то время как переводчик на английский, напротив, использует транскрипцию: *Baba Yaga*, передавая имя, но опуская ведьмовскую сущность, о которой читателю перевода остается догадываться из контекста: «...*the wicked Baba Yaga flies...*»

(злая Баба Яга летит). При переводе фольклорной реалии «леший» переводчик на немецкий язык использует имеющийся в немецком языке эквивалент *der Schrat (koboldhaftes Wesen, zottiger Waldgeist* [6: 3296]; русск.: 'гномоподобный косматый лесной дух'), который является нейтральным с точки зрения национальной окраски, в отличие от *Kobold* (слово с явным германским колоритом), а переводчик на английский прибегает к способу родовидовой замены – употребляет слово *sprite* ('дух'), отказываясь от, казалось бы, эквивалентного *wood goblin* из-за ярко выраженной национальной (для английского языка) окрашенности. В обоих случаях переводчики предпочитают передачу смысла реалии за счёт утраты национального (в данном случае русского) колорита.

Для передачи мифологической реалии «русалка» оба переводчика и на немецкий язык, и на английский языки используют эквиваленты – (нем.) *die Nixe* и (англ.) *mermaid* соответственно. Однако эти эквиваленты в ПЯ полностью не передают ни значение реалии, ни её национальный колорит. Дело в том, что в русском языке слово *русалка* обозначает и персонаж славянской мифологии и фольклора – человекоподобное существо, преимущественно женского пола (или дух), связанное с водоёмами, ржаными полями и лесом, и мифологический персонаж, встречающийся в легендах и мифах народов Европы, дева с рыбьим хвостом вместо ног, живущую в море. Какую именно русалку имел в виду автор, остаётся недостаточно ясным даже носителям русского языка, т.е. читателям оригинала. Из двух использованных в переводе эквивалентов немецкий (*die Nixe*) имеет большее покрытие лексического значения русского слова *русалка*, так как обозначает и дух воды женского пола (*weiblicher Wassergeist*) [6: 2661], и существо с рыбьим хвостом, а английский (*mermaid*) соответствует лишь русалке из европейской мифологии. С другой стороны, можно утверждать, что оба переводчика успешно справились с задачей передачи содержания оригинального текста. Автор упоминает русалку, описывая чудеса, творящиеся в той местности (*леший бродит, русалка на ветвях сидит* и т.п.). С этой точки зрения совершенно не важно, какая именно русалка – дух или существо с рыбьим хвостом – сидит на дереве. К тому же переводчики имеют дело со сказкой, а не с научным трудом по славянской мифологии, для передачи сказочной атмосферы при переводе возможно было бы использовать функциональный аналог или даже приём замены реалии – упомянуть любое другое сказочное существо (например, гнома, эльфа и т. п.).

Для передачи на ПЯ бытовых реалий используются чаще всего родовидовая замена и описательный перевод и очень редко транскрипция. Так, в английском переводе «Сказки о рыбаке и рыбке» русская реалия «терем» передаётся словом *mansion*, имеющим больше значений ('дача, особняк усадьба' и т. д.), и являющимся родовым понятием по отношению к русскому слову *терем*; на немецкий язык данная реалия передаётся описательно – *Herrenhaus*, т.е. 'господский дом', другая же русская реалия «изба» переведена на немецкий язык словом *das Haus*, являющимся видовым понятием по отношению к понятию «изба», а на английский – словом *cottage*. При передаче обеих реалий и на немецкий, и на английский языки точно передаётся общий смысл, но полностью теряется свойственная русскому слову национальная окраска. При переводе же на немецкий язык бытовой реалии «душегрейка» (национальный предмет одежды) переводчик использует нулевой перевод – *Zobelpelzchen*

(‘соболий мех’), т. е. пропускает название предмета одежды, указывая лишь на качество меха, а на английский язык данная реалия передаётся при помощи родовидовой замены – *sable jacket*, в этом случае имеет место замена реалии «душегрейка» на видовое понятие *jacket*, т.е. ‘верхняя одежда’. При этом в обоих случаях переводчики оставляют указание на качество меха. При переводе другой реалии, обозначающей женский головной убор, «кичка» оба переводчика прибегают к родовидовой замене – *brokatenes Häubchen* и *a head-dress in gold embroidered* соответственно.

Можно отметить, что оба переводчика практически не пользуются транскрипцией при передаче бытовых реалий. Лишь для передачи реалии «гусли» оба переводчика используют транскрипцию – *Gusli*, никак не поясняя читателям перевода, что это такое. Возможно, в данном случае следует говорить о переоценке переводчиком фоновых знаний читателей перевода или о надежде переводчика на то, что читатель поймет смысл реалии (музыкальный инструмент) из контекста: «...*There comes the gusli's rippling sound...*».

Для передачи общественно-политических реалий переводчики применяют имеющиеся в ПЯ эквиваленты, которые когда-то были заимствованы из русского языка при помощи транскрипции и освоены, а также функциональные аналоги и описательный перевод.

Казалось бы, при помощи транскрипции передаются в «Сказке о царе Салтане» и в «Сказке о мертвой царевне и семи богатырях» такие русские реалии, как «царь», «царица» и «бояре», которые в английском и немецком текстах выглядят как *tsar*, *tsarina*, *boyards* и *der Zar*, *die Zarin*, и *Bojaren* соответственно. В данных случаях, однако, уместнее говорить не об использовании транскрипции переводчиками, а об употреблении лексических единиц из арсенала ПЯ, когда-то заимствованных и уже освоенных языком. Говорить об освоении этих заимствованных слов позволяет тот факт, что они нашли свое отражение в словарях ПЯ [6: 4418; 648; 5: 1499], а немецкое слово *die Zarin* (царица) образовано по правилам словообразования существительных женского рода в немецком языке – при помощи суффикса *-in*, присущего существительным женского рода, от заимствованного существительного *der Zar* (царь). При встрече в тексте оригинала с реалией, которая уже была заимствована при помощи транскрипции языком перевода, переводчику не нужно заново «изобретать велосипед», прибегая к различным способам и приёмам передачи реалий, не всегда удачным, а следует просто воспользоваться лексической единицей ПЯ, уже, вероятно, знакомой читателям. Однако для передачи реалий «царевна», «царевич» и «королевич», т.е. наименования царских детей переводчики используют функциональные аналоги *Prinzessin* (нем.), *princess* и *prince* (англ.) и описательный перевод – *die Zarentochter* (царская дочь) и *der Zarensohn* (царский сын). При передаче реалий с помощью функциональных аналогов точно передаётся семантика реалий (дочь и сын правителя, монарха), но теряется русский национальный колорит.

Анализируя переводы сказок А.С. Пушкина на английский и немецкий языки, можно утверждать, что переводчики отдают предпочтение различным разновидностям приблизительного перевода, т.е. способа передачи реалий, с помощью которого удаётся, хотя довольно часто и не очень точно, передавать предметное содержание реалии, но колорит почти всегда теряется, так как

имеет место «замена ожидаемого коннотативного эквивалента, который, разумеется, и быть не может, нейтральным по стилю, т.е. словом или сочетанием с нулевой коннотацией» [3: 86]. В данном случае этот способ следует признать наиболее удачным, так как он учитывает необходимость ориентирования текста перевода на читателя. Сказки, главным образом предназначенные для детей, не должны быть перегружены лексическими единицами, понимание значения которых оказалось бы недоступным для юных читателей. В произведениях подобного рода на первый план выступает смысловое содержание реалий, вследствие чего переводчик должен обеспечить максимальную ясность текста перевода и его доступность для читателя.

Предпосылкой успешного выполнения функций переводчика является всестороннее знакомство с культурой, историей и современной жизнью, литературой и обычаями народа, носителя языка оригинала.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов, М.: Сов. энциклопедия, 1966. 524 с.
2. Виноградов В.С. Перевод. Романские языки: общие и лексические вопросы. 5-е изд. М.: КДУУ, 2009. 238 с.
3. Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. 4-е изд. М.: Р. Валент, 2009. 360 с.
4. Пушкин А.С. Сказки. Pushkin A.S. Fairy Tales. М.: Literature Publishers, 1999. 136 p.
5. Concise Oxford Dictionary. 4th ed. Oxford University Press, 1995. 1674 p.
6. Klappenbach R. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache / Ruth Klappenbach, Wolfgang Steinitz. Berlin: Akademie Verlag, 1968. 4580 S.
7. Puschkin A.S.. Märchen. М.: «Прогресс»; Berlin: der Kinderbuchverlag, 1974. 136 S.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE MEANS OF TRANSLATING REALIA IN THE FAIRY TALES BY A. PUSHKIN INTO ENGLISH AND GERMAN

Yulia V. Yavari

Tver State Technical University, Tver

There are two main difficulties in translating realia: the absence of the equivalent in the target language and the necessity to preserve the specific national and/or historical colour. This article analyses and compares the means of translating realia in the fairy tales by A. Pushkin into English and German.

Keywords: *Realia, translation of realia, means of the realia translation, transcription, transliteration, calque, generalization, functional analogue.*

Об авторе

ЯВАРИ Юлия Владимировна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Тверского государственного технического университета,
e-mail: juliavy@yandex.ru